

И.Ю. Бурдина

Жизнь и творчество А.П. Чехова

Таганрог	1
Дом	2
Гимназия	3
Москва как университет	6
Большая литература	7
Суворин	9
Сахалин	9
Мелихово	11
Ялта	13
Кода	16

Таганрог

Обычный заштатный город, каких на российских просторах не счесть: площадь и главная улица, плотно застроенные двух-, редко трехэтажными каменными домами, в первых этажах которых теснились магазинчики, всевозможные лавчонки, многочисленны трактиры, банки, гостиницы, казенные места, собор с неперменным местным юродивым, церквушка на окраине, кривые улочки, в испуге разбегающиеся от площади, чем дальше от нее, тем с более покосившимися и вросшими в землю домишками среди заросших бурьяном пустырей...

Все это было и в Таганроге. Но мало нашлось бы в ту пору в России городов, лицом своим обращенным к морю. Таганрог как морской порт почти на столетие старше Одессы и к середине XIX века играл значительную роль в морском грузообороте страны. В соответствии с этим и жизнь города была ориентирована на море и порт. Практически каждая улица города или начиналась, или заканчивалась на берегу моря.

С началом навигации, а она затихала лишь на несколько зимних месяцев, с появлением на таганрогском рейде множества судов из всех стран Средиземноморского бассейна население города увеличивалось на десять с лишним тысяч человек. Это были люди не из глухой российской провинции, а народ бывалый, повидавший Стамбул и Александрию, Салоники и Коринф, Бриндизи и Неаполь, Геную и Марсель. На улицах Таганрога звучала разноязыкая речь. Здесь жили греки, турки, французы и итальянцы, испанцы и англичане...

Особую роль в жизни Таганрога играла греческая диаспора. Греков было много: торговцы и банкиры, попы и гимназисты, мастеровые и подмастерья. Наряду с русскими улицы города украшали и греческие вывески.

И уж совсем необычным для русской провинции был городской театр. Периодически на его сцене гастролировала итальянская опера. Таганрожцы были знакомы с операми В. Беллини и Г. Доницетти, Дж. Россини и Дж. Верди... По вечерам на улицах города можно было услышать арии из популярных итальянских опер.

По мнению А.П. Чехова, в Таганроге лишь «пахло Европой», но повседневная жизнь практически мало чем отличалась от подобных портово-рыбачьих городков Средиземно-

морья. Пройдут годы, к последней четверти XIX века значение таганрогского порта в международной торговле сойдет почти на нет, однако в пятидесятые годы Таганрог еще оставался признанным центром Приазовья.

Дом

Именно в те благословенные годы в магазине колониальных товаров таганрогского купца Кобылина появился девятнадцатилетний Павел Егорович Чехов. «Мальчик», приказчик, конторщик — все ступени торговой иерархии прошел в магазине Кобылина будущий отец писателя.

В 1854 году Павел Егорович женился на Евгении Яковлевне Морозовой, дочери купца-суконщика, как и Чеховы, недавнего крепостного. В 1855 году родился первый сын, Александр, через три года — Николай.

Наверное, с первого дня работы в кобылинском магазине Павел Чехов мечтал открыть собственное дело. За несколько лет он сколотил первоначальный капитал в две тысячи рублей, необходимый для вступления в купеческую гильдию. В 1857 году П.Е. Чехов был уволен из мещанского сословия и в следующем году перечислен в купеческое звание — таганрогский купец 3-й гильдии.

Спустя три года в метрической книге Успенского собора была сделана запись:

«Тысяча восемьсот шестидесятого года месяца Генваря семнадцатого дня рожден, а двадцать седьмого крещен Антоний. Родители его, Таганрогской 3-й гильдии купец Павел Георгиевич Чехов и законная жена его Евгения Яковлевна, оба православного вероисповедания».

Дом на Полицейской улице, где жила семья Чеховых, был маленький, белен снаружи и внутри, три комнаты, общей площадью 23 квадратных метра. Чеховы трижды переезжали с квартиры на квартиру, пока в 1874 году не поселились в собственном доме, который П.Е. Чехов построил на земле, купленной еще его отцом.

Бытоустройство Чеховых определялось воззрениями *хозяина* — П.Е. Чехова, а был он человеком крутого нрава, непоколебимых со времен его праотцев правил, детей воспитывал в послушании, трудах и молитве». Ничто не могло изменить взглядов Павла Егоровича на внутрисемейное устройство, воспитание и образование детей. Даже после разорения и позорного бегства из Таганрога он в письме от 12 января 1878 года, поучая восемнадцатилетнего сына Антона, желает детям «всех благ небесных и земных», но прежде всего «духа кротости, терпения и смирения».

Дети росли покорными и тихими: домашние богослужения, церковный и домашний хор, в котором они пели, лавка, в которой трудились все домашние от зари до зари, уроки домашние и гимназические — все это отнимало силы и время, отбивало охоту к шалостям. И все-таки детей учили уму-разуму подзатыльниками, розгами и не по злобе или вредности характера, но с искренней верой и по глубокому убеждению. Так было всегда, так растили и воспитывали и Павла Егоровича, и его отцов и дедов. П.Е. Чехов был глубоко религиозным человеком, но в его вере не было места терпимости и добродушию, церковные догматы и наставления святых отцов понимались им слишком буквально; свои обязанности и в семье, и в лавке он выполнял с избыточным рвением, что зачастую осложняло жизнь не только семьи, но и его собственную.

Воспитательная система Павла Егоровича угнетала от природы богатые задатки, заложенные в детях, и, чтобы вырастить их по своему разумению, он вынужден был просто-напросто сломать их. Ему виделись сыновья-коммерсанты, сыновья-купцы...

По воспоминаниям Михаила Павловича Чехова,

«Павел Егорович хотел дать детям самое широкое образование, но, как человек своего века, не решался на чем-то остановиться: сливки общества в тогдашнем Таганроге составляли богатые греки... и у отца составилось твердое убеждение, что детей надо пустить именно по греческой линии... В Таганроге была греческая школа с легендарным преподаванием, и, по наущению местных

греков, отец отдал туда учиться трех своих старших сыновей — Александра, Николая и Антона; но преподавание в этой школе даже для нашего отца, слепо верившего грекам, оказалось настолько анекдотичным, что пришлось взять оттуда детей и перевести их в местную классическую гимназию».

Гимназия

В 1868 году по настоянию матери Антон Чехов был отдан в подготовительный класс Таганрогской классической гимназии. Преподавание велось по обычной гимназической программе: всеобщая и русская история, история Древней Греции и Рима, география России, теория словесности, история русской словесности... Большое значение придавалось древним языкам — из-за них чаще всего оставляли учеников на второй год.

В воспоминаниях Александра Павловича Чехова описана сцена, которая, по его утверждению, повторялась чуть ли не ежедневно:

«Антоша, ученик 1-го класса таганрогской гимназии, недавно пообедал и только что уселся за приготовление уроков... Отворяется дверь, и в комнату входит... Павел Егорович в шубе и глубоких кожаных калошах. Руки его — серо-синие от холода.

— Тово... — говорит Павел Егорович, — я сейчас уйду по делу, а ты, Антоша, ступай в лавку и смотри там хорошенько.

У мальчика наворачиваются на глаза слезы, и он начинает усиленно мигать веками.

— В лавке холодно, — возражает он, — а я и так озяб, пока шел из гимназии.

— Ничего... Оденься хорошенько — и не будет холодно.

— На завтра уроков много...

— Уроки выучишь в лавке... Ступай да смотри там хорошенько... Скорее!.. Не копайся!..

Антоша... напяливает на себя с горькими слезами ватное гимназическое пальто и кожаные рваные калоши и идет вслед за отцом в лавку. Лавка помещается тут же, в этом же доме. В ней невесело, а главное — ужасно холодно. <...>

— Садись за конторку! — приказывает Антоше отец и, перекрестившись несколько раз на икону, уходит.

Мальчик, не переставая плакать, заходит за прилавок, забирается с ногами на ящик из-под казанского мыла, обращенный в сиденье, перед конторкой, и с досадой тычет без всякой надобности пером в чернильницу. Кончик пера натывается на лед: чернила замерзли. <...> И на этом холоде Антоше придется просидеть по крайней мере часа три... О латинском переводе нечего и думать. Завтра — единица, а потом строгий нагоняй от отца за дурную отметку».

Неудивительно, что в младших классах Антон учился плохо и дважды — в 3-м и 5-м — оставался на второй год. Лишь после того, как Павел Егорович перебрался в Москву, Антон, как заметил первый биограф писателя Ф. Мускатблит, «вдохнул свободно и “вдруг” обнаружил такое прилежание, что помимо обычных успехов по любимым предметам... стал получать пятерки даже по ненавистному ему греческому языку».

Свое «главное» образование, ставшее основой всей будущей литературной деятельности, Антон Чехов получил за стенами таганрогской гимназии. То, что было ненавистно в детские и отроческие годы, составило практически весь багаж чеховского мироощущения, стало поистине неисчерпаемым источником сотен и тысяч микросюжетов, сценок и зарисовок. В той или иной мере все, что впитала детская душа, неосмысленно запомнила и спрятала в глубины подсознания, проявилось в последующие годы в повестях и рассказах, драматургических произведениях Чехова...

Центр жизни семьи Павла Егоровича Чехова — лавка. Что такое лавка в провинциальном городе середины XIX века? Это своеобразный клуб, куда приходят узнать новости, поговорить о жизни, попутно произвести покупки, выпить рюмку водки. Перед юным Антоном Чеховым в бытовой непосредственной обстановке прошла вся галерея человеческих типов: духовенство, чиновники казенной и судейской палат и их жены, учителя и приказчики, полицейские, торговые маклеры, ремесленники и рыбаки, извозчики и кухарки, просто прохожий. Разные люди — разная речь. Таганрог впитал в себя, переварил

и произвел великое смешение языков — русского и украинского, греческого и турецкого, — родив нечто самобытное, более нигде не встречающееся. Пройдут годы, и таганрогская многоголосица зазвучит со страниц чеховских произведений, таких как «Из дневника помощника бухгалтера» (1883), и «Полинька» (1887), и «История одного торгового предприятия» (1892), и многих других произведений.

Из лавки Павла Егоровича впоследствии сформировался великолепный «мир вещей» произведений А.П. Чехова. «Мир вещей» и «мир людей» в его рассказах образуют неразделимый симбиоз человека и вещей, его окружающих.

Если лавка в доме П.Е. Чехова была главной материальной составляющей повседневного бытия, то ревностное исполнение церковных обрядов составляло основу духовной жизни.

Павел Егорович во всем, что относилось к церковным службам, был крайне аккуратен, строг и требователен. Вечерами несколько раз в неделю устраивались спевки организованного им церковного хора, которые затягивались до полуночи. Если приходилось в большой праздник петь утреню, отец будил детей в два-три часа ночи и вел их в церковь. Ранние обеды пелись без пропусков и в мороз, и в дождь, и в слякоть, и в грязь. Придя от обедни домой, все пили чай, а затем Павел Егорович собирал всю семью перед киотом и читал акафист.

Без знания церковнославянского языка, религиозных текстов, порядка церковного и домашнего богослужения было бы невозможно появление на свет многих чеховских рассказов: «Канитель» (1885), «Кошмар» и «Панихида» (1886), «На страстной неделе» и «Перекасти-поле» (1887), «Студент» (1894), «Убийство» (1895), «Архиерей» (1902). Глубокое знание Чеховым самой структуры кондаков и икосов продемонстрировано в рассказе «Святою ночью»:

«Первый кондак везде начинается с “возбранный...” или “избранный...” Первый икос надо начинать с ангела. В акафисте к Иисусу Сладчайшему, ежели интересуется, он начинается так: “Ангелов творче и Господи сил”, в акафисте к Пресвятой Богородице: “Ангел предстатель с небес послан бысть...” Везде с ангела начинается».

Однако искренняя и наивная вера в силу святой молитвы не помогла Павлу Егоровичу Чехову в торговых делах. Торговое дело таганрогского купца Чехова год от года все более и более прогорало. Чтобы торговать с выгодой или хотя бы без убытка, нужна была иная, современная хватка, готовность к риску. Этими качествами Павел Егорович в должной мере не обладал, за что и был, как сказано в официальной бумаге, «обращен из купцов в мещане». А после отъезда старших сыновей в Москву семья стала едва сводить концы с концами.

По воспоминаниям М.П. Чехова, «в 1876 году отец окончательно закрыл свою торговлю и, чтобы не сесть в долговую яму, бежал в Москву к двум старшим сыновьям... За старшего уже официально стал у нас ходить Антон». В возрасте 16 лет Антон Чехов остался на развалинах семейной крепости, которую Павлу Егоровичу достроить так и не удалось. Помощи ждать было неоткуда. Антон не только не согнулся под бременем обрушившихся на семью невзгод, не пал духом, но быстро возмужал, стал ровнее и лучше учиться. В Таганроге Чехов прожил в одиночестве три года, три старших класса гимназии. Эти трудные годы в жизни Чехова имели очень важное, если не решающее значение. Под гнетом нужды и потерь как-то сразу и незаметно ушла юность и настала пора взрослых решений. Чехов в эти годы серьезно обдумывал все дела семьи, старался понять, чем он ей обязан и каков его долг перед ней.

Разорение родительского гнезда, распродажа за копейки годами нажитого домашнего скарба оставили глубокий, на всю жизнь, след в душе будущего писателя. Этот след виден и в последнем сочинении писателя — пьесе «Вишневый сад» (1903), а до него — в рассказах «Безотцовщина» (1878), «Добродетельный кабатчик» (1883), «Чужая беда» (1886), «У знакомых» (1898).

Вероятно, именно в эти годы Антон Чехов стал завзятым театралом, хотя страсть к драматическому искусству проявилась в нем рано.

В театре Чехов смотрел все. Первым спектаклем, который он увидел в тринадцатилетнем возрасте, была оперетта Ж. Оффенбаха «Прекрасная Елена». В таганрогском театре большое место в репертуаре занимали пьесы современных модных драматургов, русская и мировая классика. Гимназист Чехов был вхож и за кулисы театра. Именно в таганрогском театре он познакомился с типами провинциальных актеров, изображенных в его рассказах «Барон» (1882), «Комик» (1884), «Бумажник», «Калхас», «После бенефиса», «Сапоги», «Средство от запоя» (все — 1885), «Юбилей» (1886). Многие заглавия чеховских рассказов «списаны» с театральных афиш: «Перед свадьбой» (1880), «Рыцари без страха и упрека» (1883), «Мечь женщины» (1884), «Павлин в вороньих перьях» (1885). Некоторые пьесы, водевили, сценические зарисовки будут играть чеховские герои в «Лишних людях» (1886), в «Страдальцах» (1886), в «Душечке» (1898).

Рассказ о таганрогском периоде жизни Антона Чехова будет неполным, если не коснуться еще одной составляющей будущего творчества писателя. Природа для Чехова — важная часть его существования. Для него любая перемена погоды — явление. Подобное отношение к природе восходит к таганрогскому детству. «Свою связанность с природой он всю жизнь ощущал очень остро; его настроение барометрически реагировало на погодные изменения. В своих рассказах он показал глубокое влияние состояния природы на психику человека. Человек «оприрожен», природа — очеловечена» (А. Чудаков).

Таганрог стоял на берегу теплого, солнечного залива, а с противоположной стороны города, прямо за шлагбаумом городской заставы начиналась бесконечная степь. Летом таганрогская ребятня резвилась на песчаном берегу залива, купались и ныряли в море, в гавани Антон с товарищами ловил бычков. Зимой Таганрогский залив был неприветлив, подледный лов рыбы опасен: на льду, далеко от берега, замерзали целыми артелями, порой ветер взламывал лед и рыбаков уносило в море («В рождественскую ночь», 1883).

В летние каникулы Антон с братьями ездил за шестьдесят верст от Таганрога в деревню Княжнюю к деду, бывшему управляющим имением графини Платовой. Дед с внуками объезжал на беговых дрожках поля, огороды, тока. Братья ловили бреднем рыбу, раков. Два лета провел Антон на хуторе родителей Пети Кравцова, у которого был репетитором. Там научился он и ездить верхом, и ходить на охоту. Там уже начиналась угольная и железнодорожная лихорадка, слышались звуки сорвавшейся в шахте бадьи («Вишневый сад», 1903), строились железнодорожные насыпи («Огни», 1888) и катился сам собою оторвавшийся от поезда железнодорожный вагон («Страхи», 1886). Воспоминания впечатлений тех лет в той или иной мере звучат в рассказах «Двадцать девятое июня» (1882), «Счастье» (1887), «Красавицы» (1888), «Крыжовник» (1898).

Во время этих поездок, пребывания на степных просторах Приазовья у Чехова сформировалось отношение к живой природе как соучастнику человеческой жизни. В чеховских рассказах «деревья, цветы, облака, собаки, волки чувствуют и думают как люди («Агафья», «Каштанка», «Белолобый», «Страх»). Они огорчаются, радуются, волнуются, грустят» (А. Чудаков).

С годами от реально осязаемого ощущения Азовского моря, Таганрога, донской степи, ловли рыб, птиц выкристаллизовался чеховский тип литературной природы, прошедший эволюцию от абстрактного фона жизни чеховских героев в одних произведениях до главного действующего лица в других.

«Писательская эволюция Чехова» началась с пьесы «Безотцовщина», написанной почти за год до окончания гимназии — в 1878 году. В «Безотцовщине» заложено уже многое из будущей чеховской драматургии, вообще из будущего Чехова: и центральная фигура несостоявшегося героя, и ключевые бессмысленные словечки, и, прежде всего, обостренное чувство трагикомедии, позволяющее безошибочно дозировать смесь страшного и смешного.

Учеба в гимназии подошла к концу. Сданы выпускные экзамены (пятерки по немецкому, французскому, географии, Закону Божьему). 15 июня 1879 года получен аттестат зрелости, на руках увольнительный билет от Таганрогской мещанской управы. 8 августа Чехов уже в Москве.

Москва как университет

За три года жизни в Москве Чеховы переменили 12 квартир и ко времени приезда Антона снимали помещение в подвальном этаже дома церкви Николая на Грачевке, где пахло сыростью, а в окна были видны лишь пятки прохожих. Осенью 1879 года Чеховы в очередной раз переехали на другую квартиру, на второй этаж. Михаил Павлович Чехов, вспоминая эти годы, писал:

«Так как отец в это время жил у Гаврилова, то волею судеб его место в семье занял брат Антон (старшие братья в это время жили уже самостоятельно) и стал как бы за хозяина. <...> Воля Антона сделалась доминирующей. В нашей семье появились вдруг неизвестные мне дотоле резкие, отрывочные замечания: “Это неправда”, “Нужно быть справедливым”, “Не надо лгать” и так далее. Началась совместная работа по поднятию материального положения семьи. Работали все, кто как мог и умел».

В этой квартире началась литературная деятельность Чехова, началась и учеба в Московском университете.

До сих пор нет однозначного мнения среди чеховедов относительно того, почему Антон Чехов выбрал медицинский факультет университета. А. Чудаков так и пишет: «Никто никогда не узнал, почему был выбран медицинский факультет (если не считать главной причиной советы Евгении Яковлевны и Павла Егоровича, что “медицинский факультет практичный” и что это “самое лучшее занятие”». Когда через много лет Чехова об этом спросили прямо, он написал: “Не помню”». Первые 19 лет жизни дались Чехову нелегко: крайне сложные внутрисемейные отношения, разорение отца, годы лишений и беспросветной нужды. В подобных случаях было принято винить макросоциальные обстоятельства, историко-экономические особенности того или иного периода нашей истории. Для юного Антона Чехова куда большее значение в семейных перипетиях и торговых неудачах отцовского дела имели личностные характеристики действующих лиц таганрогско-чеховской трагедии — членов семьи и людей, ее окружавших. На примере собственной семьи у него складывалось представление о человеке как главном действующем лице того или иного события. Именно человек в сознании Чехова становился основой мироздания, объектом его пристального внимания и... изучения.

В наибольшей мере решению данной задачи способствовал именно медицинский факультет, предметом изучения которого был человек во всех своих проявлениях: анатомия, физиология, психика. Вполне возможно, что, руководствуясь этими мыслями, Антон Чехов 27 августа 1879 года писал прошение ректору о выдаче ему удостоверения «в поступлении в Императорский Московский университет» на медицинский факультет.

У таганрогской гимназии было два недостатка: она была классической и провинциальной. В ее программе не было ни химии, ни биологии, ни ботаники — ничего, что нужно было для поступления на медицинский факультет Московского университета. На первых порах Чехову пришлось много читать и работать, у него почти не оставалось времени для литературного труда. В сентябре он приступил к университетским занятиям стипендиатом таганрогской гимназии.

Михаил Павлович Чехов вспоминал:

«Брат Антон получал свою стипендию из Таганрога не ежемесячно, а по третям, сразу по сто рублей. Это не облегчало его стесненных обстоятельств. <...> Я помню, как он в первый раз получил такую сумму и накопил разных юмористических журналов, в числе которых была и “Стрекоза”. Затем он что-то написал туда и стал покупать “Стрекозу” у газетчика уже каждую

неделю. <...> Наконец появился ответ: “Совсем не дурно, благословляем и на дальнейшее сподвижничество”. Затем, в марте 1880 года, в № 10 “Стрекозы” появилось в печати первое произведение Антона Чехова, и с тех пор началась его непрерывная литературная деятельность».

Произведение его называлось в рукописи «Письмо к ученому соседу» и было опубликовано под названием «Письмо донского помещика Степана Владимировича N к ученому соседу д-ру Фридриху», подписанное «...въ». В этом же номере «Стрекозы» был опубликован и рассказ «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.?» с подписью «Антоша».

В 1884 году подошли к концу занятия в Московском университете, и в середине лета молодой врач Антон Чехов отправился в Звенигород в качестве заведующего больницей на время отпуска ее врача С.П. Успенского. В Звенигороде Чехов попал в самую гущу провинциальной подмосковной жизни: заведовал больницей, в качестве уездного врача принимал больных, по поручению местной администрации ездил на вскрытия, был экспертом в суде. Медицинская практика давала пищу и для литературных опытов. В сюжете значительного числа произведений Чехова были использованы реальные случаи «из практики уездного врача»: «У постели больного» (1884), «Палата № 6» (1892), «Черный монах» (1894), «Случай из практики» (1898), «Ионыч» (1898) и многие, многие другие.

Большая литература

Вхождение в «большую литературу» у Чехова растянулось на шесть долгих лет. Вся первая половина 1880-х посвящена сотрудничеству с множеством больших, маленьких и просто мелких юмористических журналов, издававшихся в Москве и Петербурге: «Стрекоза», «Будильник», «Зритель», «Развлечение», «Мирской толк», «Свет и тени», «Спутник», «Русский сатирический листок», «Сверчок», «Осколки», «Новости дня», «Волна», «Петербургская газета», «Москва», «Новое время»... Это была пестрая и шумная журнальная толпа, для большинства крупных писателей того времени представлявшая собой «уличную литературу». Чехов подписывал свои сочинения многочисленными псевдонимами: А. Ч-те, Анче, Ант. Чехонте, Антоша Чехонте, Г. Балдастов, Брат моего брата, Человек без селезенки, Рувер, Уллис, Врач без пациентов и др. В 1883 Чехов впервые поставил свое имя под рассказами «В море» и «Он понял».

К этому времени относится и начало многолетних дружеских и деловых отношений с редактором и издателем журнала «Осколки» Николаем Александровичем Лейкиным, известным в литературных кругах автором десятков романов и пьес, многих тысяч рассказов и юморесок. Их сотрудничество началось с публикации в «Осколках» юмористической миниатюры «Неудачный визит» и рассказа «Нарвался» в ноябре 1882. Через пять лет после этого события Чехов напишет Лейкину: «Осколки» — моя купель, а Вы — мой крестный батька». В самом начале литературной карьеры Чехова Лейкин не просто пригласил его в популярный юмористический журнал, но сразу же выделил из толпы многочисленных юмористов.

В июне 1883 Лейкин предложил Чехову взяться за составление «Осколков московской жизни». В поисках материалов для «Осколков...» Чехов исходил вдоль и поперек всю Москву: бывал в полицейских участках, судах, адвокатских конторах, богадельнях, трактирах. Писал в Петербург о московских новостройках и памятниках старины, больницах и аптеках, громких судебных процессах.

В 1884 году в Москве увидел свет первый сборник рассказов Чехова «Сказки Мельпомены».

В 1885 году Лейкин решил издать книгу произведений Чехова под заглавием «Пестрые рассказы». В письме от 28 января 1886 относительно издания этой книги Чехов пишет Лейкину:

«На все условия, которые Вы мне предлагаете в последнем письме, я согласен, признавая их вполне основательными. Все издание отдаю на Ваше усмотрение, считая себя в деле издательства импотентом. Беру на себя только — выбор статей, вид обложки... <...> Обложку для книги я беру на себя по той причине, что мой приятель и пациент Шехтель, который теперь в Питере, хочет подарить меня виньеткой».

В сборник вошли 77 рассказов 1883–1886 годов, преимущественно из «Осколков» и «Петербургской газеты». Бунин в воспоминаниях «О Чехове» написал: «Я эту книгу прочел в поезде, не отрываясь, купив в Ельце, на вокзале, в шестнадцать лет, и пришел в восторг».

Сборник «Пестрые рассказы» переиздавался 14 раз и вызвал многочисленные отклики в печати. Заговорили о Чехове и «толстые журналы». Его произведения были замечены такими писателями, как Григорович и — несколько позднее — Л. Толстой.

Три лета 1885–1887 годов семья Чеховых провела на даче в Бабкино у Киселевых. По воспоминаниям М. П. Чехова,

«семья Киселевых была из тех редких семей, которые умели примирить традиции с высокой культурностью. Тесть А.С. Киселева, В.П. Бегичев... был необыкновенно увлеченный человек, чуткий к искусству и литературе, и мы, братья Чеховы, по целым часам засиживались в его по-женски обставленной комнате и слушали, как он рассказывал нам о своих похождениях в России и за границей. Ему Антон Чехов обязан своими рассказами “Смерть чиновника” (случай, действительно происшедший в московском Большом театре) и “Володя”; “Налим” также написан с натуры (действие происходило при постройке купальни), “Дочь Альбиона” — все окружение бабкинское».

Во время первого посещения Петербурга в декабре 1885 года Чехов познакомился с Дмитрием Васильевичем Григоровичем. А весной 1886 Чехов получил от него письмо: «...у Вас *настоящий* талант, — талант, выдвигающий Вас далеко из круга литераторов нового поколения». По мнению Михаила Павловича Чехова, «старик первый угадал в Антоне Чехове всю серьезность его дарования и благословлял его на доблестные подвиги. Конечно, это письмо ошеломило Антона». В августе 1887 вышел сборник Чехова «В сумерках» с посвящением Григоровичу.

Среди московских знакомых Чехова необходимо отметить полицейского врача Дмитрия Павловича Кувшинникова. В его доме всегда собиралось много гостей: и врачи, и художники, и музыканты, и писатели. Любили там бывать и братья Чеховы. Из художников к Кувшинниковым были вхожи Левитан и Степанов. Жена Кувшинникова Софья Петровна брала уроки живописи у Левитана.

Летом живописующая братия обыкновенно уезжала «на этюды» в Подмоскowie или на Волгу. Несколько «летних сезонов» вместе с Левитаном провела и Софья Петровна Кувшинникова. Среди друзей Чеховых и Кувшинникова стали недвусмысленно поговаривать об этих «этюдах». Несмотря на разговоры, при возвращении в Москву Софья Петровна, по воспоминаниям Михаила Чехова, «бросалась к своему мужу, ласково и бесхитростно хватала его обеими руками за голову и с восторгом восклицала:

— Дмитрий! Кувшинников! Дай я пожму твою честную руку! Господа, посмотрите, какое у него благородное лицо! <...>

По-видимому, Антон Павлович осуждал в душе Софью Петровну. В конце концов, он не удержался и написал рассказ “Попрыгунья”, в котором вывел всех перечисленных лиц. Смерть Дымова в этом произведении, конечно, придумана».

Замысел и создание рассказа «Попрыгунья» относится к концу 1891 — началу 1892, а напечатан он был в 1–2 номерах журнала «Север» за 1892 год. Появление рассказа в печати вызвало большие толки среди знакомых Чехова и Левитана.

Левитан увидел в «Попрыгунье» намек на свои отношения с Кувшинниковой, и это привело к разрыву между художником и писателем. Левитан, по московским слухам, даже собирался вызвать Чехова на дуэль. Ссора затянулась на три года.

Лишь в январе 1895 года дружеские отношения Чехова и Левитана были восстановлены.

Суворин

Алексей Сергеевич Суворин был человеком в Петербурге известным: редактор и издатель одной из популярнейших газет — «Новое время», владелец одной из крупнейших в России книгоиздательских фирм, а кроме того — фельетонист, прозаик, драматург...

Чехов познакомился с Сувориным зимой 1885. 4 января 1886 Чехов писал брату Александру:

«Я был поражен приемом, который оказали мне питерцы: Суворин, Григорович, Буренин... все это приглашало, воспевало... и мне жутко стало, что я писал небрежно, спустя рукава. Знай, мол, я, что меня так читают, я писал бы не так на заказ».

Вероятно, тогда же Суворин предложил относительно надежный гонорар и возможность печатать рассказы без каких-либо построчных ограничений. Суворин сыграл немаловажную роль и в присуждении Чехову Пушкинской премии за сборник «В сумерках».

Первые редакторы и издатели чеховских произведений побуждали Чехова писать как можно больше. Суворин первым сказал Чехову, что, когда много пишешь, далеко не все выходит одинаково хорошо.

С 1886 года чеховские произведения регулярно печатаются в суворинском «Новом времени». Не прерывается связь и с Лейкиным. Но одним из важнейших изменений в творческой работе писателя, вызванным сотрудничеством с Сувориным, стало отсутствие жестких временных и пространственных рамок, задаваемых характером работы в «малой прессе». В феврале 1886 Чехов в письме к Суворину писал:

«Время для работы в “Новом времени” найдется, но тем не менее я радуюсь, что условием моего сотрудничества Вы не поставили срочность работы. Где срочность, там спешка и ощущение тяжести на шее, а то и другое мешает работать... Лично для меня срочность неудобна уже и потому, что я врач и занимаюсь медициной... Не могу и ручаться за то, что завтра меня не оторвут на целый день от стола... Тут риск не написать к сроку и опоздать постоянный».

Следствием подобного раскрепощения стал творческий взрыв: за два месяца 1886 года были напечатаны одни из лучших рассказов писателя: «Панихида», «Враги», «Агафья», «Кошмар», «Святая ночь». Сотрудничество с Сувориным принесло и ощутимое изменение материального положения Чехова.

К 1888 году относится начало сотрудничества Чехова с «толстыми журналами». В третьем номере «Северного вестника» публикуется повесть «Степь», которая вызвала разноречивые отклики в печати. Многие сочли ее разрозненным набором степных пейзажей, не поняли новаторства Чехова. Высказывались сомнения в его способности композиционного построения больших произведений. Однако такие писатели, как Плещеев, Гаршин, Короленко, высоко оценили первую большую повесть Чехова.

Год вхождения в «большую литературу» для Чехова был печально отмечен напоминанием о смерти: погиб молодой Гаршин, от чахотки умер брат Николай. У самого писателя открылось сильнейшее кровохарканье (второе после 1884 года).

Надо было спешить: спешить жить, спешить писать...

Сахалин

К концу 1888 года Чехов решает совершить поездку в Сибирь и на Сахалин. Для себя задачи этой поездки он определяет как изучение жизни каторжных и ссыльных. Наиболее важным он считает не выяснение причин, приведших человека на каторгу, но именно проблему *человек и каторга*. Чехов ясно представлял себе трудности предстоящего путешествия, но видел свой человеческий долг в том, чтобы приковать к Сахалину

общественное внимание. Попытка заручиться содействием официальных лиц не дала ощутимых результатов.

21 апреля 1889 с удостоверением корреспондента суворинского «Нового времени» Чехов отправляется на Сахалин. Поездка заняла почти три месяца и оказалась невероятно трудной для уже больного туберкулезом писателя.

От Москвы до Ярославля — поездом; от Ярославля мимо Нижнего и Казани до Перми и от Сретенска до Сахалина — пароходом; остальные шесть тысяч километров — на лошадях.

«В Тюмени мне сказали, что первый пароход в Томск идет 18 мая. Пришлось скакать на лошадях. В первые три дня болели все жилы и суставы, потом же привык и никаких болей не чувствовал. Только от неспанья и постоянной возни с багажом, от прыганья и голодовки было кровохарканье, которое мне портило настроение, и без того неважное. В первые дни было сносно, но потом задул холодный ветер, разверзлись хляби небесные, реки затопили луга и дороги. То и дело приходилось менять повозку на лодку. <...> ...Мои большие сапоги оказались узкими... я по грязи и по воде ходил в валенках и... валенки мои обратились в студень. Дорога так гнусна, что в последние два дня своего вояжа я сделал только 70 верст», —

писал Чехов 20 мая из Томска Суворину.

Во время поездки Чехов писал очерки «Из Сибири», которые печатались в «Новом времени» в течение июня–августа.

11 июля 1890 года Чехов прибыл на Сахалин, где на протяжении трех месяцев он вел напряженную работу, изучая жизнь каторжан и поселенцев, быт и нравы местного чиновничества. Он предпринял перепись ссыльнокаторжного населения, заполнив при этом десять тысяч карточек.

8 декабря Чехов возвратился в Москву и вскоре начал работать над книгой очерков о Сахалине: читал необходимую литературу, приводил в порядок собранные материалы, набрасывал вчерне первые главы.

«Сахалин подвигается,— писал он 30 августа 1891 Суворину. — Временами бывает, что мне хочется сидеть над ним 3–5 лет и работать над ним неистово, временами же в часы мнительности взял бы и плюнул на него. А хорошо бы, ей-богу, отдать ему годика три!»

Работа действительно растянулась не на один год: только в 1893 году рукопись была сдана в редакцию «Русской мысли».

«Остров Сахалин» вызвал горячий интерес и живейшее сочувствие современников. А.Ф. Кони вспоминал по поводу этой работы:

«В ней за строгой формой и деловитостью тона, за множеством фактических и цифровых данных, чувствуется опечаленное и негодующее сердце писателя. <...> Книга Чехова не могла не обратить на себя внимания министерства юстиции и главного тюремного управления, наших, наконец, нужным через своих представителей ознакомиться с положением дел на месте».

Несмотря на то что после публикации «Острова Сахалина» решительных перемен пенитенциарная система России не претерпела, современники писателя считали, что некоторые реформы в области ссылки и каторги, осуществленные в 1890-е годы, были проведены отчасти под воздействием книги Чехова.

Для Чехова поездка на «каторжный остров» оказалась важной для всего последующего творчества.

«Как Вы были не правы, когда советовали мне не ехать на Сахалин! — писал он Суворину. — У меня... чертова пропасть планов. <...> Не то я возмужал от поездки, не то с ума сошел — черт меня знает».

Впечатления от поездки воплотились в рассказах «Гусев» (1890), «Бабы» (1891), «В ссылке» (1894), «Убийство» (1895). Но главные результаты поездки не в прямом

отражении впечатлений и эпизодов путешествия. Дело обстояло сложнее: характер чеховских произведений постсахалинского периода во многом переменялся.

В повестях «Дуэль» и «Палата № 6» воплотились размышления Чехова конца 80-х годов над философскими, общественными и естественно-научными вопросами. Менялся взгляд Чехова на жизнь, на человека, изменилось внутреннее чувство самосознания, определяющее душевное состояние писателя, по его словам — «нехорошее». Вероятно, именно это чувство скрывается за чеховским признанием, что все в его творчестве впоследствии было «просахалинено». Отблеск его на всем написанном в последующие годы. А это «Палата № 6», «Три года», «Моя жизнь», «Мужики», «Архиерей».

Мелихово

Поездка на Сахалин резко ухудшила здоровье Чехова и ускорила покупку имения под Москвой. Еще в 1888 году он задумал купить хутор на Украине. С этой целью два раза даже ездил в Полтавскую губернию. В начале 1890-х желание навсегда поселиться в собственном имении перешло в твердое решение.

Зимой 1892 года это решение воплотилось в жизнь: Чехов стал землевладельцем. Практические дела, связанные с покупкой имения, были поручены семье. 4 марта 1892 Чехов впервые посетил свою новую усадьбу Мелихово, расположенную близ станции Лопасня Московско-Курской железной дороги.

Все было под снегом, разобрать, где свое, а где чужое, было решительно невозможно, но, по воспоминаниям Михаила Павловича Чехова,

«первое впечатление Антона Павловича, по-видимому, было благоприятное. <...> В самой большой комнате со сплошными стеклами устроили для Антона Павловича кабинет; затем шли: гостиная, комната для сестры, спальня писателя, комната отца, столовая и комната матери. Была еще одна комната, проходная, с портретом Пушкина, которая носила громкое название Пушкинской и предназначалась для случайных гостей. <...> Едва только сошел снег, как уже роли в хозяйстве были распределены: сестра принялась за огород и сад, я — за полевое хозяйство, сам Антон Павлович — за посадку деревьев и уход за ними. Отец с утра и до вечера расчищал в саду дорожки и проводил новые».

Чехов стал серьезно размышлять о благоустройстве усадьбы — творческая деятельность (не только в искусстве) была его стихией. Он сажал маленькие деревца, разводил из семян сосны и ели, заботился о них, как о детях, и в своих мечтах был похож на полковника Вершинина из будущих «Трех сестер».

В 1892–1893 в России свирепствовала эпидемия холеры. Чехов, работая в Мелихово бесплатно участковым врачом, обслуживал 26 деревень, 4 фабрики и монастырь, организовывал медицинские пункты. Он не пропустил ни одного заседания уездного санитарного совета в Серпухове и земских уездных лечебницах. Почти пять лет мелиховской жизни Чехов посвятил строительству школ: изыскивал средства, придумывая лотереи, подписки, любительские спектакли, призывая на помощь друзей и знакомых. Он вкладывал свои деньги в постройку, ремонт и оборудование школ; сам чертил планы зданий, закупал материалы, следил за ходом строительных работ.

Времени на творчество катастрофически не хватало. Чехов вынужден был работать по ночам в спальне, придвинув стол к кровати. В Мелихово им было написано более сорока произведений, в числе которых «Палата № 6», «Дом с мезонином», «Бабье царство», «Остров Сахалин», «Три года», «Случай из практики», «Черный монах», «Студент», «Мужики», пьесы «Чайка» и «Дядя Ваня».

В 1893 году Чехов написал повесть «Черный монах», снискавшую славу одного из самых загадочных его произведений. Споры в литературной критике по поводу этой чеховской вещи продолжаются уже столетие, причем не только относительно ее художественных достоинств, но и степени автобиографичности произведения.

Первые годы мелиховской жизни потребовали от Чехова значительных физических и нравственных усилий. Вероятно, от переутомления у него случилось нервное расстройство — он почти перестал спать. «Стоило ему начать забываться сном, как его “дергало”. Он вдруг в ужасе пробуждался... и уже долго не мог уснуть», — вспоминал брат Михаил. Настроение поднимали приезды друзей — Л. Мизиновой и И. Потапенко. С Потапенко у Чехова было много общих литературных интересов. К тому же Потапенко пел, играл на скрипке. А «прекрасная Лика» садилась за рояль и пела модную «Валахскую легенду» Брага. Чехов находил в этом романсе нечто мистически-романтическое. По мнению брата, этот романс имел отношение к происхождению «Черного монаха».

«Сижу как-то после обеда у самого дома на лавочке, и вдруг выбегает брат Антон, — вспоминает М. Чехов, — как-то странно начинает ходить и тереть себе лоб и глаза. Мы все уже привыкли к его “дерганьям” во сне, и я понял так, что это его “дернуло” и он выскочил в сад, не успев еще хорошенько прийти в себя.

— Что, опять дернуло? — спросил я.

— Нет, — ответил он. — Я видел сейчас страшный сон. Мне приснился черный монах.

Впечатление черного монаха было настолько сильное, что брат Антон еще долго не мог успокоиться и долго потом говорил о монахе, пока, наконец, не написал свой известный рассказ».

В 1894 в глубине сада был построен флигель, предназначавшийся для многочисленных гостей. В последние годы мелиховского периода жизни он стал местом уединения Чехова, его творческой лабораторией. Здесь были написаны «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви».

В этом флигеле была создана и «Чайка», пьеса, с которой началась чеховская драматургия.

«Можете себе представить, — сообщал Чехов Суворину 21 октября 1895, — пишу пьесу. <...> Пишу ее не без удовольствия, хотя страшно вру против условий сцены. Комедия, три женских роли, шесть мужских, четыре акта, пейзаж (вид на озеро); много разговоров о литературе, мало действия, пять пудов любви».

В основе любовной интриги «Чайки», как и в случае с «Попрыгуньей», оказались амурные похождения Исаака Левитана. В июле 1895 он жил на севере Тверской губернии на берегу озера Островно в усадьбе А.Н. Турчаниновой Горка. Турчанинова приглашала в Горку и Чехова, о том же просил и Левитан: «Ради Бога, если только возможно, приезжай ко мне хоть на несколько дней. Мне ужасно тяжело, как никогда». Этот приступ меланхолии у художника был вызван его сложными отношениями с хозяйкой усадьбы и ее старшей дочерью. 21 июня Левитан попытался покончить с собой. Он стрелял себе в голову, но неудачно: пуля прошла сквозь кожные покровы, не задев черепа. Встревоженные случившимся, героини романа 5 июля телеграфировали Чехову, чтобы он немедленно ехал лечить своего друга.

Левитан встретил его «с черной повязкой на голове, которую тут же при объяснении с дамами сорвал с себя и бросил на пол. Затем Левитан взял ружье и вышел к озеру. Возвратился он к своей даме с бедной, никому не нужной чайкой, которую и бросил к ее ногам».

Работу над пьесой Чехов закончил в марте 1896 года.

Премьера «Чайки» состоялась 17 октября 1896 на сцене Александринского театра в Петербурге. Присутствовавший на премьере Суворин в своем дневнике отметил, что пьеса не имела успеха, публика разговаривала, скучала, а Чехов был удручен. Автор пьесы незамеченным исчез из театра и пришел к Суворину в два часа ночи. На вопрос Суворина: «Где вы были?» — ответил:

«Я ходил по улицам, сидел. Не мог же я плюнуть на это представление. Если я проживу еще семьсот лет, то и тогда не отдам на театр ни одной пьесы. В этой области мне неудача».

На другой день Чехов уехал из Петербурга.

22 октября уже из Мелихова Чехов написал Суворину:

«Самолюбие мое было уязвлено, но ведь это не с неба свалилось; я ожидал неуспеха и уже был подготовлен к нему, о чем и предупреждал Вас с полной искренностью. Дома у себя я принял касторки, умылся холодной водой — и теперь хоть новую пьесу пиши. Уже не чувствую утомления и раздражения».

Исследователи чеховской драматургии сходятся во мнении, что неуспех «Чайки» заключался в неудачной постановке; отмечают и то обстоятельство, что на премьере присутствовала публика, явившаяся на бенефис комической актрисы Е. Левкеевой. По мнению А. Чудакова, «недоумение вызывало отсутствие в пьесе обозначенных мотивировок взаимоотношений персонажей, сюжетно-фабульного движения, которое вело бы к «определенной» развязке, выражало бы «ясную» мысль. <...> Упрек в «ненужности» сцен и деталей повторялся во всех рецензиях в форме обвинения в незнании элементарных требований сцены, отсутствии драматического таланта у писателя-балетриста. <...> Драматический язык Чехова был не только нов — он был сложен. Его было трудно понять и принять сразу и целиком».

Даже «положительная» критика конца 1890-х не смогла увидеть в этом сложном для первых зрителей художественном языке качественно новые литературные черты.

21 июня 1898 года в Москве произошло событие, имевшее непреходящее значение для чеховской драматургии: К. Станиславский и В. Немирович-Данченко договорились об открытии Московского Художественного общедоступного театра. Пройдет совсем немного времени, и судьбы Чехова и МХТа окажутся тесно переплетенными.

Лето 1898 — последнее мелиховское лето Чехова. Врачи рекомендовали ему перебраться на юг, к морю. Французской Ницце Чехов предпочел крымскую Ялту и 14 сентября отбыл в Крым,,

Мелихово осталось в прошлом, но мелиховские впечатления отразились во многих чеховских произведениях: «Мужики», «На подводе» (оба — 1897), «Новая дача» (1898). В 1900 Чехов напишет рассказ «В овраге», в котором также будут угадываться мелиховские пейзажи.

Ялта

Устраиваться в Ялте приходилось основательно: Чехов купил участок земли и начал постройку дома. Как всегда, строительство начиналось с долгов. Стройка шла медленно, и первую ялтинскую зиму Чехов прожил на частных квартирах.

Осенью 1898 года умер отец Чехова. Его похоронили на кладбище Новодевичьего монастыря. После смерти Павла Егоровича Чехов писал:

«Выскочила главная шестерня из мелиховского механизма, и мне кажется, что для матери и сестры жизнь в Мелихово потеряла всякую прелесть».

...Парадокс времени и места: Чехов в Ялте, МХТ в Москве. Но именно в это время (с осени 1898 года) начинается плодотворное сотрудничество Чехова с Художественным театром.

После провала «Чайки» в Петербурге Чехов не давал согласия на постановку этой пьесы в других театрах. Немирович-Данченко обратился к Чехову с письмом, убеждая его разрешить вновь организованному Художественному театру поставить «Чайку».

Чехов внимательно следил за работой над пьесой, приезжал в Москву знакомиться с артистами МХТа.

В один из приездов Чехов впервые увидел Ольгу Леонардовну Книппер на репетициях «Чайки» (в роли Аркадиной) и «Царя Федора Иоанновича» (в роли Ирины).

«Перед отъездом... я был на репетиции «Фед. Иоан.»... Меня тронула интеллигентность тона, и со сцены повеяло настоящим искусством. <...> Ирина, по-моему, великолепно. Голос, благо-

родство, задушевность — так хорошо, что даже в горле чешется. <...> Лучше всех Ирина. Если бы я остался в Москве, то влюбился бы в эту Ирину», —

признавался Чехов Суворину 8 октября 1898 года.

17 декабря 1898 состоялось первое представление «Чайки» на сцене Московского Художественного театра. Роли исполняли: Аркадина — О. Книппер, Треплев — В. Мейерхольд, Нина — М. Роксанова, Тригорин — К. Станиславский. После спектакля публика устроила бурную овацию. Чехову в Ялту была отправлена коллективная телеграмма. Свои поздравления по поводу грандиозного успеха шлют Чехову Левитан, Шалапин, Щепкина-Куперник и другие. Сколь раздражительны, недоуменны и грубы были рецензии на александринскую постановку 1896 года, столь благожелательны они были два года спустя.

В январе 1899 Чехов начал переговоры с одним из крупнейших столичных издателей А. Марксом о продаже права издания своих сочинений, как настоящих, так и будущих. Договор был заключен 26 января 1899. Маркс купил права на издание всех сочинений Чехова за 75 тысяч рублей.

К весне 1899 года Чехова неудержимо потянуло на север, и 12 апреля он приехал в Москву. Надо было продавать осиротевшее Мелихово, где когда-то все устраивалось с таким большим трудом.

«Мелиховский период» жизни писателя подходил к концу. Просветительская работа Чехова в Серпуховском уезде была высоко оценена его современниками: предводитель дворянства Рюмин представил Чехова к высокой награде — ордену Станислава третьей степени.

И вот в конце 1899 года в жизни Чехова произошло событие, редко описываемое чеховскими биографами.

«БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОР
и САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКИЙ,
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКИЙ,
и прочая, и прочая, и прочая
Нашему потомственному дворянину
Попечителю Талезского сельского училища
Серпуховского уезда Антону Чехову.

По засвидетельствованию Министерства Народного Просвещения, об отличном усердии и особых трудах ваших, Всемилостивейше пожаловали Мы вас указом, в 6-й день декабря 1899 года Капитулу данным, Кавалером Императорского и Царского ордена Нашего Святого Станислава третьей степени.

Грамоту сию во свидетельство подписать, Орденскою печатью укрепить и знаки Орденские препроводить к вам Повелели Мы Капитулу Российских Императорских и Царских Орденов.

Дана в Санкт-Петербурге в 28-й день декабря 1899 года».

К концу века внук крепостного и сын мелкого лавочника, уездный врач мещанского сословия стал потомственным дворянином и кавалером ордена Станислава III степени. Чехов ни разу ни в одном письме не вспоминает этого высочайшего указа, не рассказывает об этом событии никому из своих друзей...

К осени 1899 года Чехов вместе с матерью и сестрой окончательно переселился в Ялту. К ноябрю завершилось строительство дачи. Дом оказался довольно красив и не так тесен, как предполагал Чехов. Тем не менее в Ялте ему не нравилось решительно все: промозглая осень, еще более гнусная зима, неживая южная природа...

Лето 1899 года подарило нам замечательный рассказ «Дама с собачкой» В этом рассказе — описания крымских пейзажей, Ореанды, водопада, угадываются многие

приметы Ялты. Публикация «Дамы с собачкой» вызвала большой интерес у читающей публики. «Черт возьми, как хорошо Антоний написал “Даму с собачкой”», – сказал Левитан, прочитав рассказ.

17 января 1900 года, в самый день именин писателя, в Ялту пришло известие о том, что Чехова избрали почетным академиком Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Избрание Чехова состоялось 8 января. Однако это членство продолжалось недолго. 25 августа 1902 он, как и Короленко, послал заявление о выходе из состава почетных академиков в знак протеста против объявления недействительным избрания академиком М. Горького.

В июле 1900 года в Ялту приехала О.Л. Книппер. Этот месяц стал решающим в их отношениях. Однако венчание произошло почти через год — в мае 1901. На церемонии присутствовали только необходимые свидетели.

Мотивы, побудившие Чехова заключить этот брак, до конца не прояснены. Родные Чехова были сильно обеспокоены его женитьбой. В день венчания Чехов телеграфировал матери: «Все останется по-старому». И действительно, в жизни Чехова практически ничего не изменилось: Книппер жила в Москве, он — в Ялте. Чехов оказался в положении женатого человека без жены, Переписка была, семьи не было. Известно 433 письма и телеграммы Чехова к Ольге Леонардовне и более 400 ее писем к Чехову. Их переписка — это ценнейший источник сведений о последних годах жизни писателя.

Зимой 1901–1902 года в Гаспре, недалеко от Ялты, жил Л. Толстой. Чехов часто бывал у него, много говорил с великим писателем. По свидетельству М.П. Чеховой, в последние годы жизни Антон Павлович постоянно носил при себе фотографию Толстого, сделанную в Гаспре в 1901 году. В разное время в Ялте Чехова посещают Бунин, Горький, Гарин-Михайловский, Короленко, Шаляпин, Рахманинов...

Творческий процесс в Ялте у Чехова шел медленно и мучительно: в день выходило по несколько строчек. Небольшой рассказ «Невеста» писался без перерывов почти три месяца. Чудом сохранившиеся черновой и белой автографы и две правленные корректуры показывают, сколь огромна была работа, как велика требовательность автора к себе.

В 1899–1902 в издательстве Маркса вышло первое собрание сочинений Чехова. Можно по-разному оценивать договор с этим книгоиздателем, но именно он побудил Чехова собрать свои рассказы и повести, разбросанные по десяткам всевозможных изданий, многие из которых были заново отредактированы.

В эти годы Чехов еще более сближается с Художественным театром. По просьбе Немировича-Данченко в театр отдан «Дядя Ваня», написанный в 1896.

Специально для МХТа Чехов написал «Три сестры». Премьера состоялась 31 января 1901. Вскоре спектакль был сыгран на гастролях в Петербурге. Молодежь с восторгом приняла новую пьесу Чехова. За эту пьесу 24 января 1902 Общество русских драматических писателей и оперных композиторов присудило Чехову Грибоедовскую премию.

В марте 1903 Чехов начал работу над «Вишневым садом». Новая пьеса была сыграна в новом здании Художественного театра в Камергерском переулке. Премьера спектакля, задуманная театром как чествование писателя, состоялась 17 января 1904 года, в день рождения Чехова.

О готовящемся торжестве Чехов не знал, на премьере его не было. Во время третьего акта за ним специально съездили. В антракте после третьего акта в присутствии автора пьесы начались поздравительные речи, чтение приветствий и телеграмм. От Художественного театра речь держал Немирович-Данченко. Физически Чехов был очень слаб, старался унять кашель... Многим присутствовавшим в зале этот праздник показался похожим на прощание...

К лету здоровье Чехова резко ухудшилось. Доктора настаивали, чтобы он ехал лечиться в Европу. В начале июня он вместе с женой покидает Россию, на курорте Баденвейлер они поселились в отеле «Зоммер».

В Баденвейлере Чехов сначала почувствовал себя лучше, даже строил планы поездки в Италию. Но в ночь на 2 июля 1904 года состояние здоровья резко ухудшилось. В первом часу ночи он проснулся от удушья и впервые попросил послать за врачом. Врач констатировал упадок сердечной деятельности. Когда врач велел принести новый баллон с кислородом, Чехов остановил его: «Прежде чем принесут, я буду мертв». «...Доктор велел дать шампанского. Антон Павлович сел и как-то громко сказал доктору по-немецки: “Ich sterbe”, потом взял бокал, повернул ко мне лицо, – вспоминает Книппер, – улыбнулся своей удивительной улыбкой, сказал: “Давно я не пил шампанского”. Покойно выпил все до дна, тихо лег на правый бок и вскоре умолк навсегда».

...Чехов умер 2 июля 1904 года в три часа утра, в Германии, в Баденвейлере, в отеле «Зоммер»...

Организацию похорон Чехова взяла на себя редакция «Русской мысли».

Кода

В 1886 году двадцатилетний Антон Чехов в письме к брату Николаю, по сути, изложил свой нравственный кодекс жизненного бытия.

«Воспитанные люди, по моему мнению, должны удовлетворять след[ующим] условиям:

1. Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы... Они не бунтуют из-за молотка или пропавшей резинки; живя с кем-нибудь, они не делают из этого одолжения, а уходя, не говорят: с вами жить нельзя! Они прощают и шум, и холод, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствие в их жилище посторонних...

2. Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и оттого, чего не увидишь простым глазом...

3. Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги.

4. Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет в его глазах говорящего... Из уважения к чужим ушам, они чаще молчат.

5. Они не унижают себя с той целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтоб в ответ им вздыхали и нянчились с ними...

6. Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомство с знаменитостями... Истинные таланты всегда сидят в потемках, в толпе, подальше от выставки...

7. Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой... Они горды своим талантом.

8. Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу, питаться из керосинки. Они стараются возможно укротить и облагородить половой инстинкт... Они не трескают походя водку, не нюхают шкафов, ибо они знают, что они не свиньи... Ибо им нужна *mens sana in corpore sano*».

Такими Чехов хотел видеть близких ему людей, таким формировал себя. Соответствие (или несоответствие) этим принципам формировало отношение Чехова к своим героям, вызывало сочувствие (или неприятие) у читателей чеховских персонажей.

«Воспитанным называл он того, кто, подобно ему, долгими усилиями воли сам вырабатывал в себе благородство, – писал о Чехове К. Чуковский. – В этом самовоспитании, в этой победе человека над своими инстинктами он видел отнюдь не самоцельную психогимнастику, а долг

каждого человека перед всеми людьми, так как общее благо, по его убеждению, в значительной мере зависит от личного благородства людей.

<...> И так как два основных порока всякой обывательской души показались ему особенно мерзкими: надругательство над слабыми и самоуничижение перед сильными, — именно их он и решил истребить в себе начисто. Первый из них в его бесчисленных формах — грубость, заносчивость, чванство, надменность, высокомерие, зазнайство, самохвальство, спесивость — он словно выжег в себе каленым железом, со вторым справиться было гораздо труднее. Потребовались героические усилия воли, чтобы рожденный в приниженном, скопидомном быту, где кланялись каждой кокарде и пресмыкались перед каждым кошельком, мог выработать в себе такую великолепную гордость».

Л. Толстой как-то сказал, что у Чехова нет мировоззрения. С точки зрения либералов и консерваторов, марксистов и социал-демократов, у Чехова действительно оказывается возможным предположить отсутствие «партийного» мировоззрения. Чехов смотрит на мир глазами первочеловека, для которого первостепенное значение имеет положение конкретного человека в окружающем его мире. Все остальное — несущественно и подчинено человеку. Для Чехова превыше всего личность — не абстрактная, но вполне конкретная (и вовсе не важен ее общественный статус!). Если чеховский герой проникся чувством сознания собственного достоинства, ощутил себя личностью — он симпатичен писателю; если этого не происходит, если над героем довлеет чужая воля, если человек смешон в пресмыкании пред иной личностью, то он становится объектом чеховской иронии и субъектом юмористической ситуации. Но не более. Унизить человека, причинить ему боль — нравственную или физическую — для Чехова было невозможно. Это был великодушный художник.

Философское отношение к жизни, любовь к людям, уважение человека и было верой Чехова, его религией, его мировоззрением.